

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-3-371-384

EDN: ZKBWOA

Научная статья / Research article

Курс на Север: арктическая политика Китая в контексте глобальных геополитических изменений

М.О. Рекец

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 rekets-mo@rudn.ru

Аннотация. С начала 2000-х гг. Китай прилагает последовательные и настойчивые усилия по проникновению в Арктический регион и закреплению в нем в качестве полноценного участника международных политических и экономических процессов, претендуя на статус полноправного актора системы управления Арктикой. Актуальность темы исследования определяется стратегическим значением Арктики для интересов Российской Федерации и обусловленной этим потребностью выстраивать выверенный внешнеполитический курс на основе объективной оценки политики ключевых «игроков» в данном регионе, одним из которых становится Китай, наращивающий свое присутствие в Заполярье. Несмотря на значительное число работ российских и зарубежных исследователей по различным аспектам арктической политики Пекина, недостаточно изученным остается вопрос долгосрочных задач Китая в Арктике в контексте реализуемой им стратегии трансформации системы мирового управления. Автор ставит целью определение ключевых движущих факторов арктической политики Китайской Народной Республики (КНР) и оценку потенциальных угроз интересам России при реализации Китаем своих подходов к значимым вопросам будущего развития региона. Исследование осуществлено с опорой на теорию наступательного реализма, которая позволяет обосновывать высокую степень конкуренции мировых держав в геополитическом пространстве Арктики и объяснить значительный наступательный потенциал внешней политики Китая, в том числе на северном направлении. Используются институциональный, логический методы и метод экспертной оценки. В основу положен системный подход к рассмотрению арктической политики КНР в совокупности ее различных элементов и меняющейся международной среды, а в более широком контексте — глобальной внешнеполитической стратегии Пекина. На основе анализа политики Китая на арктическом направлении за минувшее десятилетие выявляются риски, связанные с интенсивным привлечением китайского капитала в инфраструктурные проекты в высоких широтах и встраиванием российского северного логистического маршрута во всеобъемлющую китайскую инициативу «Пояс и путь», которая направлена на трансформацию мировой экономической системы и структуры международных отношений в интересах КНР.

Ключевые слова: Пояс и путь, Северный морской путь, Ледяной шелковый путь, сжиженный природный газ, СПГ, научная дипломатия

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Рекец М. О. Курс на Север: арктическая политика Китая в контексте глобальных геополитических изменений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 3. С. 371–384. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-3-371-384>

© Рекец М.О., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

China's Arctic Policy in a Time of Global Geopolitical Transformation: A Northern Orientation

Marina O. Rekets

RUDN University, Moscow, Russian Federation

rekets-mo@rudn.ru

Abstract. Since the early 2000s, China has been putting consistent efforts to push its way into the Arctic and secure a position as an equal participant in international political and economic processes in the region. The relevance of this research lies in the crucial importance of the Arctic for the Russian Federation and, consequently, the necessity of developing a balanced foreign policy approach based on an objective assessment of the strategies of major “players” in the region, including China, which is gradually expanding its presence in the Far North. Despite the considerable number of studies conducted by Russian and foreign scientists on various aspects of China’s Arctic policy, the long-term goals of Beijing in the Arctic in the context of its strategy to transform the global governance system remain insufficiently researched. This study aims to identify the key drivers of China’s Arctic policy and to assess the way the implementation of China’s approaches to the core issues of the future development of the region could pose a threat to Russia’s interests. The study is based on the theory of offensive realism, which allows to justify the high degree of competition between the world powers in the geopolitical space of the Arctic and to explain the significant offensive potential of China’s foreign policy, including its northern dimension. The author employed a combination of institutional, logical, and expert assessment methods. The cornerstone of the methodological framework of the research is the systematic approach, through which the Arctic policy of the People’s Republic of China (PRC) is analyzed in a variety of its components with respect to the changing international environment, as well as in the broader context of Beijing’s global foreign policy strategy. Based on the analysis of China’s Arctic policy over the past decades, the author identifies the risks associated with the increased involvement of Chinese capital in the infrastructure projects in the High North and the integration of Russia’s northern logistic route into China’s Belt and Road Initiative (BRI), which aims to transform the global economic system and the structure of international relations to China’s advantage.

Key words: Belt and Road Initiative, BRI, the Northern Sea Route, Ice Silk Road, liquefied natural gas, LNG, science diplomacy

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Rekets, M. O. (2024). China’s Arctic policy in a time of global geopolitical transformation: A northern orientation. *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(3), 371–384. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-3-371-384>

Введение

За минувшие 30 лет мир и вместе с ним система международных отношений претерпели существенные изменения. Арктика, имеющая стратегическое значение для национальных интересов Российской Федерации, из периферийной области мировых политических процессов трансформировалась в глобальный макрорегион, на участие в освоении которого стали претендовать не только страны, к нему относящиеся, но и государства, весьма удаленные от Северного полярного круга. Одним из них является Китай, который за прошедшие три десятилетия совершил стремительный рывок в своем развитии, превратившись из аграрной страны во второе

после США государство мира по величине номинального ВВП, а по некоторым показателям, в том числе по паритету покупательной способности (ППС), став абсолютным лидером¹. Рост экономического могущества сопровождался последовательным повышением уверенности Пекина на мировой арене и нежеланием далее сохранять отстраненность в глобальных делах (Лексютина, 2018, с. 65). Это выразилось в постепенном отходе от внешнеполитической концепции «тихого возвышения», разработанной Дэн Сяопином и

¹ Россия вошла в пятерку экономик мира по паритету покупательной способности // Коммерсантъ. 04.08.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6146763> (дата обращения: 14.03.2024).

нацеленной на «сокрытие возможностей и нахождение в тени» в интересах обеспечения условий для внутреннего развития страны, — к доктрине великой державы, несущей глобальную ответственность за судьбу человечества (Бояркина, 2023).

Переход к новым доктринальным установкам применительно к внешней политике и роли Китая на мировой арене обозначился с приходом к власти Си Цзиньпина в 2013 г. и напрямую связывается аналитиками с личностью представителя пятого поколения лидеров Китайской Народной Республики (КНР) (Денисов, Адамова, 2017; Верченко, 2020). Между тем продвигаемая нынешним председателем КНР идея возвышения Китая и превращения его в глобального лидера опирается на заложенную предыдущими руководителями страны идеологическую основу, в той или иной вариации прослеживаемую в их программных установках на протяжении всего XX в. Она заключается в нацеленности на реализацию «китайской мечты» о великом возрождении и процветании китайской нации, становлении Китая как самой могущественной державы в мире (Скрипкарь, 2015, с. 395–396). Предложенное Си Цзиньпином в 2013 г. новое понимание этой доктрины выразилось в концепции построения «сообщества единой судьбы человечества», активно продвигаемой китайской дипломатией в настоящее время (Верченко, 2020).

Анализу этой инициативы посвящено значительное количество работ российских и зарубежных исследователей (Бояркина, 2020; Верченко, 2020; Семёнов, Цвык, 2019), которые трактуют ее как попытку Китая трансформировать пребывающую в кризисе современную модель глобального управления и мировой экономики, исходя из собственной системы ценностей и с учетом особой роли Пекина на международной арене. Инструментом для реализации данной стратегии служит предложенная Си Цзиньпином в 2013 г. концепция «Один пояс, один путь»², получившая и арктическое измерение. Она нацелена на

создание трансконтинентальных логистических коридоров для обеспечения стабильных и диверсифицированных поставок энергоресурсов, устойчивого доступа Китая к сырьевым рынкам, а также каналов бесперебойного экспорта китайских промышленных мощностей и технологий при реализации проектов за рубежом, в том числе в отдаленных регионах мира (Бояркина, 2020).

Стратегия Китая в отношении Арктики вписывается в логику обозначенного Си Цзиньпином курса на создание новой модели глобализации «китайского дизайна» и трансформацию мирового порядка при лидирующей роли Пекина, что в долгосрочной перспективе сопряжено с возможными рисками для интересов России на Крайнем Севере. Основой для анализа арктической политики КНР, как представляется, может служить выдвинутая Дж. Миршаймером теория наступательного реализма, согласно которой международная система создает для государств мощные стимулы для поиска возможностей усиления власти за счет конкурентов и использования преимуществ в тех ситуациях, когда выгоды перевешивают издержки (Mearsheimer, 2001, p. 61). Арктика — регион, сулящий колоссальные выгоды, и развитие Китаем арктического потенциала в сфере экономики, транспорта, науки и технологий сулит ему существенные преимущества перед потенциальными конкурентами, в числе которых в отдаленной перспективе может оказаться и Россия.

«Влияние определяется присутствием»: усилия Китая по проникновению в Арктику

Китайские исследователи, приводя аргументы в пользу особой связи КНР с Арктическим регионом, акцентируют внимание на факте присоединения Пекина к договору о Шпицбергене в 1925 г. (Сюй, 2016, с. 52). В действительности, несмотря на то что Китай наряду с другими 46 государствами мира на протяжении длительного времени является стороной данного договора, до начала 1990-х гг. страна к Арктическому региону

² Тремя годами позже инициатива была переименована в «Пояс и путь».

интереса не проявляла, реализуя исследовательские проекты в районе Южного географического полюса Земли. В программе изучения Арктики китайские ученые впервые приняли участие в 1992 г., осуществив 5-летний научный проект совместно с коллегами из Германии (Цуй, 2024, с. 143).

Институциональная основа арктического направления внешней политики Китая начала формироваться в 1980-х гг. В 1989 г. был создан Институт полярных исследований (*Polar Research Institute of China*), в компетенцию которого с начала 1990-х гг. вошли вопросы реализации научных программ в Арктике. В настоящее время это базирующийся в Шанхае крупный научно-исследовательский центр, осуществляющий координацию и финансирование национальных полярных исследований и выполняющий связующую функцию между государственными органами и задействованным в данной сфере научно-экспертным сообществом страны³.

После учреждения восемью арктическими государствами Арктического совета (АС) в 1996 г. Китай расширил сферу ответственности созданного в 1981 г. и инкорпорированного в структуру государственного управления Национального комитета КНР по экспедициям в Антарктику, включив в нее арктическую проблематику. Название данной структуры было изменено на Администрацию Арктики и Антарктики КНР (*The Chinese Arctic and Antarctic Administration, CAA*). Примечательно, что после реформы органов государственной власти в 2018 г. учреждение, формально занимающееся научными исследованиями, стало подведомственным Министерству природных ресурсов Китая (Петровский, Филиппова, 2022, с. 89).

Индикатором серьезности намерений Китая в отношении изучения Севера стало приобретение им у Украины в 1994 г. самого крупного в мире дизель-электрического ледокола проекта 10621 (Филиппова, 2019, с. 285).

³ Polar Research Institute of China // The China — Nordic Research Center. URL: <https://www.cnarc.info/members/chinese-members/polar-research-institute-of-china> (accessed: 03.03.2024).

Спроектированный советскими конструкторами и построенный на Херсонском судостроительном заводе в 1993 г. ледокол, позднее получивший название «Сюэлун», открыл для Китая новые рубежи в изучении полярных пространств, а также пролил свет на технологию строительства судов такого класса. В 2019 г. на шанхайских верфях был спущен на воду «Сюэлун-2» — более мощный аналог приобретенного ранее ледокола, на этот раз уже собственного китайского производства⁴. Оба судна находятся в ведении Института полярных исследований Китая и активно используются для проведения экспедиций в Арктике и Антарктике.

Ставка на инструменты «мягкой силы», в первую очередь научную дипломатию, является на данном этапе ключевым элементом политики КНР в Арктике. Не имея территорий за Северным полярным кругом, Китай использует развитие национальных арктических исследований и международное взаимодействие на этом направлении в качестве основного аргумента легитимизации своего интереса и особых прав в Арктическом регионе. При этом, расширяя сеть научных лабораторий и программ, Пекин не только создает центры своего присутствия в Арктике, но и ведет сбор научных данных, которые могут представлять интерес в контексте стратегического планирования китайской арктической политики. С 1999 г. Китай совершил 13 научных экспедиций в Арктику, с 2016 г. организует их практически на ежегодной основе и активно развивает международное взаимодействие в области арктической науки (Петровский, Филиппова, 2022, с. 93).

В настоящее время в распоряжении КНР имеется три научно-исследовательских объекта в Арктическом регионе. Первый из них — научная станция «Хуанхэ» — начал работу в 2004 г. на архипелаге Шпицберген⁵.

⁴ Фасхутдинов Р. Китай превращается в ледокольную державу // Korabel.ru. 10.08.2020. URL: https://www.korabel.ru/news/comments/kitay_prevraschatsya_v_ledokolnuyu_derzhavu.html?ysclid=lvfdiajmlc425029868 (дата обращения: 15.03.2024).

⁵ China's Polar Studies Contribute to Tackling Climate Change: Researcher // China Daily. November 30, 2023.

В 2016 г. Китай открыл первую за пределами своей территории наземную станцию спутниковой связи в расположенном за Северным полярным кругом шведском городе Кирун на территории Центра космических исследований «Эсрейндж» (*Esrangle*)⁶. Профессор Ляо Миншэн, специализирующийся на спутниковой радиолокации в Государственной лаборатории информационной инженерии геодезии, картографии и дистанционного зондирования Уханьского университета, заявил, что станция оснащена лучшими и наиболее чувствительными устройствами приема сигналов, когда-либо созданными Китаем, с самой быстрой в мире скоростью обработки получаемых данных⁷.

Третьей научной лабораторией Китая в Арктике стала совместная китайско-исландская станция, введенная в эксплуатацию в 2018 г.⁸ На ее базе на регулярной основе проводится широкий спектр исследований с акцентом на проблемы изменения климата и влияние этого процесса на состояние ледового покрова Северного Ледовитого океана (СЛО).

Примечательно, что из 9 форматов международного и регионального взаимодействия по арктической проблематике, в которых участвует Китай, шесть — имеют научно-исследовательский профиль. В их числе Международный арктический научный комитет (МАНК), Университет Арктики, Рамочная конвенция ООН об изменении климата (РКИК ООН), Азиатский форум по полярным наукам, Китайско-Североевропейский центр арктических исследований и Тихоокеанская арктическая группа (*Pacific Arctic Group*) (Nong, 2020).

URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202311/30/WS6567e9a7a31090682a5f0b4e.html> (accessed: 03.04.2024).

⁶ China Launches Its First Fully Owned Overseas Satellite Ground Station near North Pole // *South China Morning Post*. December 16, 2016. URL: <https://www.scmp.com/news/china/policies-politics/article/2055224/china-launches-its-first-fully-owned-overseas-satellite> (accessed: 15.03.2024).

⁷ Ibid.

⁸ China — Iceland Arctic Science Observatory Inaugurated in Northern Iceland // *Xinhua*. October 19, 2018. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2018-10/19/c_137542493.htm (accessed: 03.04.2024).

Таким образом, за относительно небольшой период времени Китаю удалось не только развить арктическую науку, обеспечив ее необходимой инфраструктурой, но и закрепитесь в мировом общественно-политическом дискурсе в качестве значимого участника международного научного взаимодействия в данном регионе.

Достояние человечества и «великая полярная держава»: взгляд на Арктику из Пекина

Несмотря на усилия КНР по созданию имиджа государства, готового вносить свой вклад в изучение Арктики на благо человечества и уважающего интересы и суверенитет арктических государств, политика Пекина в Арктике вызывает неоднозначное отношение у ряда российских и зарубежных исследователей (Комиссина, 2015; Вылегжанин, Киенко, 2021; Brady, 2017). С одной стороны, это обусловлено экономической мощью и технологическим потенциалом Пекина, с другой — пониманием расхождений в интересах Китая и прибрежных арктических государств, в том числе России, в долгосрочной перспективе. Арктическая стратегия КНР основывается на доктрине интернационализации Арктики как достояния всего человечества и подкрепляется принципом свободы судоходства. Это, по мнению Китая, предполагает право всех государств, в том числе неарктических, на освоение региона и свободный доступ к его транспортным маршрутам. Данный подход был многократно апробирован ведущими китайскими исследователями-международниками и позднее зафиксирован в изданном в 2018 г. первом нормативном документе по вопросам будущего развития Арктического региона — Белой книге «Политика Китая в Арктике». В ней, в частности, декларируется необходимость обеспечения свободы судоходства в Арктике в интересах всех государств в соответствии с международным правом⁹.

⁹ China's Arctic Policy // The State Council of the People's Republic of China. January 26, 2018. URL: https://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm (accessed: 17.03.2024).

Китай публикует подобного рода Белые книги по отдельным, наиболее значимым направлениям своей внешней политики, поэтому издание документа по арктической проблематике свидетельствует об особом месте данного региона в системе внешнеполитических приоритетов Пекина¹⁰. В основу документа легли результаты обширных китайских научных исследований по геополитическим и геоэкономическим аспектам освоения Арктики (Петровский, Филиппова, 2018, с. 171). В Белой книге, призванной, по всей видимости, продемонстрировать сбалансированный и миролюбивый характер китайских арктических устремлений, отчетливо прослеживается линия на размывание особого статуса и прав арктических государств в регионе. В частности, отмечается, что хотя не принадлежащие к Арктике государства не обладают территориальным суверенитетом в этом регионе, «они имеют права на проведение научных исследований, осуществление навигации, полетов, рыболовства, прокладку подводных кабелей и трубопроводов в открытом море и других соответствующих морских районах Северного Ледовитого океана, а также права на разведку и эксплуатацию ресурсов»¹¹. Таким образом, Китай исходит из наличия в высокоширотной Арктике за пределами национальной юрисдикции пяти прибрежных арктических государств международного района морского дна, который, согласно ст. 136 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., является общим наследием человечества¹².

По мнению одного из наиболее авторитетных российских специалистов по международному морскому праву, профессора

¹⁰ Nong H. China and the United States in the Arctic: Exploring the Divergence and Convergence of Interests // Institute for China — America Studies. October 20, 2022. P. 6. URL: <https://chinaus-icas.org/wp-content/uploads/2022/10/China-US-Arctic-Report-10.2022-Final.pdf> (accessed: 17.03.2024).

¹¹ China's Arctic Policy // The State Council of the People's Republic of China. January 26, 2018. URL: https://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm (accessed: 17.03.2024).

¹² Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву // ООН. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 17.03.2024).

МГИМО МИД России А.Н. Вылегжанина и его соавтора Е.В. Киенко, «безапелляционное утверждение в Арктической политике¹³ о наличии в Арктике Района¹⁴ вряд ли способствует стабильному и правомерному обеспечению национальных природоресурсных интересов Китая в отношении минеральных ресурсов дна Северного Ледовитого океана» (Вылегжанин, Киенко, 2021, с. 304). Кроме того, данная позиция КНР не соответствует нынешнему международно-правовому статусу СЛО, поскольку на сегодняшний день ни одно из прибрежных арктических государств не отграничило свой континентальный шельф от такого предположительного международного района морского дна, при этом США вообще не являются стороной упомянутой Конвенции (Вылегжанин, Киенко, 2021, с. 304).

Китай отличается последовательностью в отстаивании своих взглядов на уточнение правового режима и собственной роли в управлении Арктикой. Смягчая порой из конъюнктурных соображений риторику, государство неизменно придерживается намеченного курса, что находит отражение в многочисленных высказываниях официальных лиц и представителей научного сообщества. При этом Пекин не только заявляет об амбициях, но и предпринимает попытки обосновать легитимность своих претензий на участие в управлении регионом, намеренно разрабатывая и внедряя концепции особой причастности страны к Заполярью. В целях выстраивания арктической идентичности КНР в 2010 г. китайский ученый Лу Цзюньюань в монографии «Геополитика Арктики и реакция Китая» предложил концепцию «околоарктической державы» (*near-Arctic state*) — государства, чьи права на участие в разработке ресурсов и использование транспортных возможностей региона определяются близким к нему расположением (Лэй, 2021, с. 103). Данная концепция была апробирована на экспертном уровне, нашла отражение в риторике

¹³ Имеется в виду Белая книга «Политика Китая в Арктике».

¹⁴ «Район», или международный район морского дна — часть морского дна, расположенная за пределами юрисдикции государств.

официальных лиц КНР и затем легла в основу аргументационной базы Белой книги «Политика Китая в Арктике». Одновременно с этим китайские официальные лица начинали продвигать представление о Китае как «великой полярной державе». Такой тезис впервые был озвучен председателем КНР Си Цзиньпином в 2014 г. в ходе его визита в Австралию (примечательно, что сказано это было на борту пришвартованного у о. Хобарт китайского ледокола «Сюэлун») (Brady, 2017, p. 38).

Осознавая очевидно искусственный характер данной концепции применительно к государству, чья самая северная точка отстоит от Северного полярного круга на 1500 км, Китай позднее разработал и внедрил новый термин — «заинтересованной стороны в Арктике» (*Arctic stakeholder*)¹⁵. Данная характеристика позволяла уйти от географического принципа и обосновать легитимность интереса Китая к Арктическому региону набором параметров, в том числе уровнем его вовлеченности в научные исследования и экономические проекты в Арктике, а также степенью уязвимости экосистем в самом Китае перед происходящими в полярных регионах климатическими изменениями (Лэй, 2021). Кроме того, расширительный характер идентичности «заинтересованной стороны в Арктике» позволил китайской дипломатии консолидировать ряд азиатских стран вокруг арктической проблематики посредством создания новых дискуссионных площадок. Такая тактика, предсказуемо ставшая раздражителем для арктических государств, была взята на вооружение вскоре после дипломатического успеха Китая, получившего в 2013 г. статус постоянного наблюдателя в Арктическом совете¹⁶.

Это событие рассматривается исследователями в качестве некоего рубежа, преодолев

который Пекин перешел к более активной и амбициозной стратегии продвижения своих интересов в Арктике (Steinveg, 2021, p. 52). С этого момента Китай начал пытаться не только встраиваться в существующую институциональную структуру международных отношений в регионе, но и действовать инициативно, стараясь формировать ее новые вариации посредством создания альтернативных форматов. Одним из них стала организация Ассамблея «Арктический круг» (*Arctic Circle*), инспирированная Китаем и учрежденная президентом Исландии О.Р. Гримссоном в 2013 г. — в год подписания Соглашения о свободной торговле между Исландией и КНР¹⁷. Концепция «Арктического круга» изначально предполагала инклюзивный характер взаимодействия по ключевым аспектам развития Арктического региона с широким вовлечением в работу внерегиональных, в первую очередь азиатских, стран. Это подчеркивалось лично О.Р. Гримссоном, заявлявшим: «Пожалуйста, участвуйте в „Арктическом круге“. К вам будут относиться как к равным» (Steinveg, 2021, p. 44).

За годы с момента основания этот форум стал статусным мероприятием высокого уровня, ежегодно собирающим в Исландии свыше 2 тыс. чел из 60 стран мира для обсуждения актуальных вопросов развития Арктики¹⁸. Ряд исследователей считают, что подобные «Арктическому кругу» инициативы выгодны представителям неарктических государств, которые посредством участия в таких проектах стремятся узаконить свое присутствие в регионе (Brady, 2017; Steinveg, 2021; Вылегжанин, Киенко, 2021). Кроме того, рост авторитета подобных форматов постепенно размывает исключительность прав арктических государств и тем самым создает условия для интернационализации Арктики.

¹⁵ China's Arctic Policy // The State Council of the People's Republic of China. January 26, 2018. URL: https://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm (accessed: 17.03.2024).

¹⁶ McGrath M. China Joins Arctic Council but a Decision on the EU Is Deferred // BBC. May 15, 2013. URL: <https://www.bbc.co.uk/news/science-environment-22527822> (accessed: 17.03.2024).

¹⁷ Arctic Circle. URL: <https://www.arcticcircle.org/about> (accessed: 11.04.2024).

¹⁸ Ассамблея «Арктический круг» // Председательство Российской Федерации в Арктическом совете 2021–2023 гг. URL: <https://as.arctic-russia.ru/events/ekonomicheskoe-sotrudnichestvo/assambleya-arkticheskiy-krug/?ysclid=lv83cd7ebg835278558> (дата обращения: 11.04.2024).

Некоторые исследователи полагают, что принесенные в последнее время в деятельность форума новшества свидетельствуют о стремлении его организаторов придать «Арктическому кругу» особую роль в управлении Арктикой, выходящую за рамки мандата данной конференции (Steinveg, Rottem & Andreeva, 2023, р. 4). Риски такого развития событий особенно усилились после того, как в 2022 г. наработанный Арктическим советом статус был поставлен под удар в результате развернутой странами Запада полномасштабной «гибридной атаки» в отношении России, по итогам которой взаимодействие в рамках Арктического совета было фактически заблокировано и брошен вызов самому существованию этого межправительственного регионального форума¹⁹.

В 2016 г. КНР стала участником нового формата — Консультаций высокого уровня Китая, Республики Корея и Японии по вопросам Арктики, нацеленного на координацию подходов этих государств к реализации их арктических стратегий и определение правового режима Арктики²⁰. Результаты работы в данном формате высоко оцениваются китайскими учеными, которые исходят из того, что «сотрудничество трех стран в Арктике вышло за рамки исключительно научных исследований и охватило различные области арктических отношений, включая разработку платформы глобального управления» (Gong, 2020, р. 72). Такой расклад, несомненно, не отвечает интересам пяти прибрежных арктических держав, но, как отмечают А.Н. Вылегжанин и Е.В. Киенко, следует признать, что согласованные в рамках встреч Китая, Южной Кореи и Японии документы о режиме Северного Ледовитого океана стали политико-правовой реальностью. По мнению исследователей,

нивелировать негативный эффект данного трехстороннего взаимодействия позволит участие в упомянутых консультациях ученых и специалистов из арктических государств с целью обеспечения открытости и предотвращения принятия Китаем, Южной Кореей и Японией актов, которые могут иметь непредсказуемые международно-правовые последствия (Вылегжанин, Киенко, 2021, с. 304).

«Ледяной шелковый путь» в контексте отстаиваемой Китаем свободы судоходства

Благодаря своему географическому положению и уровню производства Китай занимает лидирующие позиции в мировых морских перевозках, осуществляя доставку около 95 % ввозимых и экспортируемых товаров морским транспортом (Сазонов, 2021, с. 378). Данным обстоятельством обусловлено представление политического истеблишмента КНР о жизненной необходимости обеспечения бесперебойного функционирования морских транспортных коридоров как значимого ресурса развития страны. Исходя из этого, на XVIII съезде Коммунистической партии Китая в ноябре 2012 г. была сформулирована задача превращения КНР «в великую морскую державу» (Ларин, Песцов, 2020, с. 28). В 2013 г. Си Цзиньпин анонсировал упомянутую выше инициативу «Один пояс — один путь» по запуску глобального проекта повышения транспортной связанности регионов мира, составной частью которого, как было заявлено в ходе визита председателя КНР в Россию в 2017 г., должен стать «Ледяной шелковый путь» через воды Северного Ледовитого океана²¹.

Особое место в реализации этой цели Пекин отводит Арктическому направлению. В Белой книге «Политика Китая в Арктике» перспективам участия страны в развитии арктических судоходных артерий посвящен

¹⁹ Вылегжанин А. Н., Лысенко М. Н., Вяхирева Н. С., Снятков А. А. Будущее Арктического совета // Рабочая тетрадь РСМД. 2023. № 75. С. 7. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/Arctic-Council-Working-Paper75.pdf> (дата обращения: 11.04.2024).

²⁰ China's Arctic Policy // The State Council of the People's Republic of China. January 26, 2018. URL: https://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm (accessed: 17.03.2024).

²¹ Gong Z. Ice Silk Road: China's Science and Transportation Efforts on the Arctic // China Global Television Network. September 24, 2017. URL: <https://news.cgtn.com/news/336b544e77597a6333566d54/index.html> (accessed: 17.04.2024).

отдельный раздел. В нем отмечается, что данные маршруты, включающие в себя Северо-Восточный (Северный морской путь, СМП), Северо-Западный и Центральный проходы, в связи с изменением климата имеют потенциал стать важными транспортными коридорами, а также подчеркивается, что Китай уважает полномочия арктических государств в водах, подпадающих под их юрисдикцию. При этом — и здесь проявляется двойственный характер арктической политики КНР — управление арктическими судоходными маршрутами должно осуществляться в соответствии с международными договорами, в том числе Конвенцией ООН по морскому праву, при соблюдении прав всех стран на их использование и обеспечении свободы судоходства²².

В утвержденном в 2021 г. Всекитайским собранием народных представителей пятилетнем плане развития КНР впервые был упомянут Арктический регион и сделан акцент на перспективе участия страны в транспортно-логистическом проекте «Ледяной шелковый путь»²³. Упоминание Арктики только в разделе, посвященном развитию морской экономики, может служить свидетельством того, что Пекин рассматривает Арктический регион, в первую очередь, в контексте управления океанами, а свободу судоходства — в качестве фундаментального принципа обеспечения своих прав на доступ к северным транспортным маршрутам. Представители экспертного сообщества КНР периодически дают комментарии различной степени категоричности относительно режима использования СМП, общая суть которых сводится к несогласию Китая с его особым режимом как исторически сложившейся российской национальной транспортной коммуникации, а также к необходимости

придания водам этой судоходной магистрали статуса международных проливов (Комисси́на, 2015, с. 69–70). Пока же Китай, по заявлению заместителя директора Центра по изучению полярных территорий Управления исследований океана КНР Ли Юаньшэна, рассчитывает на получение преференций для прохода судов через воды СМП (Петровский, Филиппова, 2022, с. 43). Речь, в частности, идет о тарифах на ледокольную и лоцманскую проводку судов в акватории СМП, которые Китай считает слишком высокими.

Одними заявлениями Китай не ограничивается, в настоящее время осуществляя шаги по оснащению своего флота атомными ледоколами. В 2018 г. Академия военных наук Народно-освободительной армии Китая сообщила о планах КНР построить суда с ядерной энергетической установкой в целях проведения полярных исследований²⁴. В том же году Китайской национальной атомной корпорацией (*China National Nuclear Corporation*) был объявлен тендер на строительство в Китае многоцелевого атомного ледокола по проекту, разработанному китайской компанией *Maritime Nuclear Power Development*²⁵. В случае успешной реализации данного проекта Китай станет второй после России страной, в распоряжении которой будут иметься атомные ледоколы.

Реактор, которым будет оснащен новый ледокол, относится к водо-водяной модели *ACP-100* «Линлун-1» (*Linglong-1*), является компактным и применяется в реализуемом в настоящее время проекте мини-АЭС на Хайнане²⁶. Большинство экспертов полагают, что данный ледокол создается специально для

²⁴ Китай будет использовать атомоходы для проведения полярных исследований // ТАСС. 21.02.2013. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/549098?ysclid=lvilnqug5703680899> (дата обращения: 09.04.2024).

²⁵ Владимирская К. Китай построит атомные ледоколы для работы в арктических широтах // Российская газета. 29.08.2018. URL: <https://rg.ru/2018/08/29/kitaj-postroit-atomnye-ledokoly-dlia-raboty-v-arkticheskikh-shirotah.html?ysclid=lux7p4ehyz644554377> (дата обращения: 09.04.2024).

²⁶ CNNC объявила о старте проекта Linglong One // Атомная энергия 2.0. 22.07.2019. URL: <https://www.atomic-energy.ru/news/2019/07/22/96343?ysclid=lvimc5wrui396118008> (accessed: 11.04.2024).

²² China's Arctic Policy // The State Council of the People's Republic of China. January 26, 2018. URL: https://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm (accessed: 17.03.2024).

²³ Eiterjord T. What the 14th Five-Year Plan Says About China's Arctic Interests // The Arctic Institute. November 23, 2023. URL: <https://www.thearcticinstitute.org/14th-five-year-plan-chinas-arctic-interests/> (accessed: 05.04.2024).

более суровых условий Арктики и является подтверждением серьезности и долгосрочности амбиций Китая в этом регионе. Строительство собственного атомного ледокольного флота обеспечит КНР особый статус совершенно автономного игрока в Арктике, который сможет самостоятельно, без российской ледокольной проводки, прокладывать путь на арктических маршрутах. При этом Пекин сможет использовать как высокоширотные трассы в обход СМП, так и трансарктический маршрут через Северный географический пояс, упоминающийся в Белой книге «Политика Китая в Арктике» как Центральный проход (*Central Passage*). Этот маршрут Китай вполне может в перспективе рассматривать как основной с расчетом на то, что к 2050 г., согласно недавним прогнозам ООН, температура в Арктике поднимется на 3–5 градусов Цельсия, что приведет к таянию льдов²⁷. В доказательство того, что подобный сценарий рассматривается всерьез, в 2012 г. ледокол «Сюэлун» на пути из пятой арктической экспедиции прошел вблизи Северного полюса по трассе, которая характеризовалась китайскими исследователями как «будущий судходный маршрут через Центральную Арктику»²⁸. В 2023 г. этот успех повторил ледокол «Сюэлун-2»²⁹.

Однако нет оснований исключать и другой, еще более неблагоприятный для России, сценарий развития событий, при котором Китай на каком-то этапе посчитает возможным претендовать на особый статус для своих ледоколов в акваториях СМП, вплоть до отказа

²⁷ ООН: миллионам людей грозит преждевременная смерть из-за изменения климата // Аргументы и факты. 16.03.2019. URL: https://aif.ru/society/nature/oon-millionam_lyudey_grozit_prezhdevremennaya_smert_iz-za_izmeneniya_klimata (дата обращения: 09.04.2024).

²⁸ Сидоров И. Политика Китая в Арктике и ее влияние на регион // Интернет-журнал «Военно-политическая аналитика». 10.07.2018. URL: <https://vpoanalytics.com/geopolitika-i-bezopasnost/politika-kitaya-v-arktike-i-ee-vliyanie-na-region/> (дата обращения: 09.04.2024).

²⁹ Китайская арктическая экспедиция впервые достигла Северного полюса на ледоколе «Сюэлун-2» // CGTN. 13.09.2023. URL: <https://russian.cgtn.com/news/2023-09-13/1701879732341190658/index.html> (дата обращения: 09.04.2024).

признавать российский суверенитет над этой транспортной артерией. Очевидно, что чем выше будет вовлеченность китайского капитала в обустройство инфраструктуры СМП, тем более вероятными могут стать в дальнейшем претензии Пекина на участие в процессе принятия решений по данному маршруту. Снизить риски такого развития событий могло бы привлечение к реализации данного проекта соинвесторов из государств Глобального Юга.

Для России развитие СМП — задача, в первую очередь, геополитического характера, нацеленная на снижение транспортно-логистической уязвимости государства, в том числе перед санкционным давлением. В этой связи проект расширения использования этого маршрута — как для внутренних, так и для международных перевозок — в полной мере отвечает интересам нашей страны, является стратегически важным и требует высокой степени осмотрительности с целью исключить чрезмерное усиление влияния внешних акторов в Арктической зоне Российской Федерации.

Ключ от арктической кладовой: инвестиции как фактор влияния

Общеизвестно, что Арктика богата природными полезными ископаемыми, перспектива добычи которых стимулирует рост внимания со стороны широкого круга стран к этому региону. За минувшие 10 лет Китай инвестировал свыше 90 млрд долл. США в арктические проекты, большая часть из которых приходится на добычу энергоносителей и минеральных ресурсов³⁰. Однако по разным причинам далеко не все из них стали успешными. С учетом небольшого объема экономик и территорий ряда североевропейских арктических государств инвестиции КНР существенно повлияли на их экономические показатели и породили опасения местных элит относительно чрезмерного роста китайского

³⁰ China Regional Snapshot: Arctic // United States House Committee on Foreign Affairs. October 25, 2022. URL: <https://foreignaffairs.house.gov/china-regional-snapshot-arctic/> (accessed: 11.04.2024).

влияния. Так, прямые накопленные инвестиции Китая в добывающий сектор экономики Гренландии — преимущественно в проекты разработки и добычи урана и железной руды — по состоянию на 2017 г. составили 1,7 млрд долл. США, что соответствовало 12 % ВВП этой автономной территории Королевства Дания³¹. В Исландии инвестиции китайских компаний в различные проекты также составили ощутимые 6 % ВВП страны³².

Сдерживающим фактором притока китайских капиталовложений в арктические проекты в этих странах является необходимость привлечения трудовых мигрантов. Данная проблема отчетливо проявилась в Гренландии на примере рудников по добыче железной руды «Исуа» (*Isua*) и алюминия — «Маниитсок» (*Maniitsoq*). Для осуществления работ только на этих проектах в 2013 г. китайским компаниям потребовалось бы привлечение свыше 4,7 тыс. специалистов из КНР, что эквивалентно 9 % всего населения автономии³³. Перспектива создания демографического дисбаланса на острове, численность населения которого составляет 56,5 тыс. человек, вызвала серьезную обеспокоенность правительства Дании и стала дополнительным фактором ограничения инвестиционного взаимодействия с Китаем в датской Арктике.

Инвестиции в арктические проекты для Китая несут немалые риски, что заставляет Пекин быть более осмотрительным. Ряд проектов КНР не удалось реализовать в силу их технологической сложности, например проект по разведке и добыче газа на исландском континентальном шельфе в секторе Дреки (*Dreki*), в котором доля китайской нефтяной компании *China National Offshore Oil*

Corporation (CNOOC) составляла 60 %³⁴. Также Китай приостановил участие в разработке уранового месторождения Кванефельд (*Kvanefield*) в Гренландии³⁵. Из 20 крупных инвестиционных проектов в Арктике, к участию в которых китайские компании были допущены с 2008 г., порядка 12 в настоящее время находятся в стадии реализации, при этом восемь из них приходится на Россию³⁶.

«Ямал СПГ» и «Арктик СПГ» — флагманские проекты с участием Китая по добыче природного газа и его сжижению в Арктической зоне Российской Федерации, реализуются компанией «Новатэк» на п-ове Ямал и Гыданском п-ове в рамках международного консорциума. «Ямал СПГ» был запущен тремя очередями в 2017, 2018 и 2019 гг. Китайским инвесторам в нем принадлежит 29,9 % акций, из которых 20 % — концерну *China National Petroleum Corporation* (CNPC) и 9,9 % — Фонду Шелкового пути³⁷. В рамках «Арктик СПГ-2» на Гыданском п-ове ведется строительство крупнотоннажного завода по производству сжиженного природного газа (СПГ) общей мощностью 19,8 млн т, запуск трех технологических линий которого был изначально запланирован на 2023, 2024 и 2025 гг. В проекте стоимостью 21,3 млрд долл. США 60 % акций принадлежит «Новатэк», по 10 % — французской

³⁴ Не нашли. CNOOC и Petroco вышли из проекта по освоению углеводородных запасов на шельфе Исландии // *Neftegaz.RU*. 23.01.2018. URL: <https://neftegaz.ru/news/Geological-exploration/203988-ne-nashli-cnooc-i-petoro-vyshli-iz-proekta-po-osvoeniyu-uglevodorodnykh-zapasov-na-shelfe-islandii/> (дата обращения: 06.04.2024).

³⁵ Yang J. Chinese Investment in Greenland: Origins, Progress and Actors // *DIIS Report*. November 17, 2021. P. 24–27. URL: https://pure.diis.dk/ws/files/4834625/Chinese_investments_in_Greenland_DIIS_Report_2021_05.pdf (accessed: 17.03.2024).

³⁶ Holz H., Taffer A., Miller A., DeThomas B. Exploring the Relationship Between China's Investment in the Arctic and Its National Strategy // *Center for Naval Analyses*. January 2022. P. 30–31. URL: <https://www.cna.org/reports/2022/01/exploring-the-relationship-between-chinas-arctic-investment-and-its-national-strategy.pdf> (accessed: 11.03.2024).

³⁷ Ямал СПГ проект // *Neftegaz.RU*. 12.12.2017. URL: <https://web.archive.org/web/20191023101237/https://neftegaz.ru/tech-library/pererabotka-nefti-i-gaza/142429-yamal-spg-proekt/> (дата обращения: 06.04.2024).

³¹ China Regional Snapshot: Arctic // *United States House Committee on Foreign Affairs*. October 25, 2022. URL: <https://foreignaffairs.house.gov/china-regional-snapshot-arctic/> (accessed: 11.04.2024).

³² *Ibid.*

³³ Notat om den grønlandske storskalalov og Grønlands ILO-forpligtelser i relation hertil // *Folketinget. Beskæftigelsesudvalget 2012–2013*. Marts 2013. URL: <https://www.ft.dk/samling/20121/almdel/beu/bilag/129/1224119.pdf> (accessed: 13.03.2024).

TotalEnergies, китайским *CNPC* и *CNOOC*, а также консорциуму японских *Mitsui* и *JOGMEC*³⁸. В настоящее время «Арктик СПГ-2» переживает трудности, связанные с беспрецедентным санкционным давлением со стороны Министерства финансов США, включившего 14 сентября и 2 ноября 2023 г. в санкционный список ряд компаний, предоставляющих строительные и инжиниринговые услуги для данного проекта, а также элементы логистической схемы «Новатэка» по перевалке сжиженного природного газа через плавучие хранилища³⁹. Несмотря на жесточайшее санкционное давление, компании удалось завершить сооружение одной технологической линии проекта, две другие находятся на стадии строительства. По мнению ряда экспертов, продолжение строительных работ стало возможным благодаря помощи Пекина в заполнении «технологического и логистического вакуума от ухода западных компаний»⁴⁰. Ряд вопросов тем не менее остаются открытыми. В частности, не понятно, будет ли решено сократить масштабы проекта, а также каким образом компания будет в дальнейшем реализовывать производимые объемы газа на внешних рынках.

Безусловно, сталкиваясь с беспрецедентной атакой со стороны США и их союзников в энергетическом секторе, Россия оказывается перед серьезным вызовом своей арктической политике, и партнерство с Китаем становится значимым фактором развития Арктической зоны Российской Федерации. Между тем сложившаяся ситуация раскрывает

³⁸ «Арктик СПГ-2»: история и значимость проекта // Коммерсантъ. 09.11.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6323377?ysclid=lvjipi7trq11091083> (дата обращения: 10.04.2024).

³⁹ ССК Звезда, РусХимАльянс, Росгеология, структуры Росатома. США ввели обширный пакет антиросийских санкций // Neftegaz.RU. 23.02.2024. URL: <https://neftegaz.ru/news/gosreg/820313-ssk-zvezda-ruskhimalyans-rosgeologiya-struktury-rosatoma-ssha-vveli-obshirnyu-paket-antirossiyskikh/> (дата обращения: 15.04.2024).

⁴⁰ Russia Foils Western Sanctions on Natural Gas Project as Shipments Near // Financial Times. February 21, 2024. URL: <https://www.ft.com/content/665e913d-ae92-4c29-8bbb-598e121ffd50> (accessed: 29.02.2024).

и слабые стороны применявшегося на протяжении длительного времени подхода России к реализации крупных, стратегически значимых арктических проектов, состоявшего в расчете на импорт высокотехнологичного оборудования. Так, в представленном в 2021 г. коллективом ученых Высшей школы экономики под руководством С.А. Караганова докладе «Арктическая политика России: международные аспекты» отмечается, что «70 % оборудования для флагманского арктического проекта „Ямал СПГ“ произведено в Китае, а сам газ перевозится на судах, построенных в Республике Корея и Китае. В этой схеме, — отмечается в документе, — Россия преимущественно нужна для ресурсов»⁴¹.

Такой подход к развитию Арктики неизбежно порождает уязвимость российской экономики перед внешними факторами, закрепляет ее технологическую отсталость и зависимость от зарубежного, будь то западного или азиатского, оборудования. Геополитическое противостояние с Западом актуализирует задачу локализации производства, развития отечественной промышленности и технологий, особенно в связи с планами освоения Северного морского пути — крупнейшего национального транспортно-логистического проекта в Заполярье.

Заключение

Китай, совершив в начале XXI в. рывок в своем экономическом развитии, реализует амбициозную стратегию, нацеленную на глобальное лидерство и трансформацию действующей международной системы с учетом

⁴¹ Караганов С. А., Боклан Д. С., Кашин В. Б., Лихачева А. Б., Макаров И. А. и др. Арктическая политика России: международные аспекты: доклад к XXII Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества // НИУ ВШЭ. 2021. С. 34. URL: https://www.hse.ru/data/2024/03/01/2082494569/%D0%90%D1%80%D0%BA%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8-%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4.pdf (дата обращения: 10.04.2024).

новых геополитических реалий и своих интересов. Арктика занимает в ней существенное место как регион со значительным ресурсным и транспортно-логистическим потенциалом. Заявляя о своей заинтересованности в проектах в высоких широтах, на официальном уровне КНР проявляет предельную осторожность, делая ставку на инструменты «мягкой силы», в первую очередь научную дипломатию, стремясь тем самым нивелировать опасения арктических государств относительно своих планов участия в управлении и будущем развитии Арктики. При этом анализ основополагающих документов КНР, затрагивающих арктическую проблематику, выявляет коренные различия в интересах Китая и других арктических государств применительно к будущему международно-правовому статусу этого региона. Это может свидетельствовать о наличии конфликтного потенциа-

ла, способного проявиться в отдаленном будущем, когда Пекин сочтет, что для его более активной и, возможно, наступательной роли в формировании системы управления Арктикой созданы достаточно благоприятные условия.

В настоящее время Россия переживает непростые времена. На фоне противостояния с Западом и оказываемого им беспрецедентного санкционного давления партнерство с Китаем, несомненно, является весьма ценным для решения Российской Федерацией как внешнеполитических задач, так и достижения целей развития Арктической зоны страны. При этом представляется важным максимально осмотрительно подходить к организации российско-китайского взаимодействия, не допуская усиления влияния Пекина на процессы, сопряженные с принятием решений и определением вектора дальнейшего выстраивания российской арктической политики.

Поступила в редакцию / Received: 12.03.2024
Доработала после рецензирования / Revised: 21.05.2024
Принята к публикации / Accepted: 26.06.2024

Библиографический список

- Бояркина А. В.* Внешнеполитические концепции КНР: теоретический замысел и практическая реализация. Владивосток : Изд-во Дальневосточного федерального университета, 2023. <https://doi.org/10.24866/7444-5485-2>; EDN: WZPWJX
- Бояркина А. В.* Китайская инициатива «Пояс и путь» в контексте концепции Си Цзиньпина «Сообщество единой судьбы человечества» // Теории и проблемы политических исследований. 2020. Т. 9, № 1А. С. 120–140. EDN: STTVTM
- Верченко А. Л.* Продвижение Китаем идеи «сообщества единой судьбы человечества» // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. № 1. С. 6–18. EDN: GDEHEQ
- Вылегжанин А. Н., Киенко Е. В.* Консультативные совещания неарктических государств по статусу Арктики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. Т. 12, № 2. С. 296–318. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2021.204>; EDN: KGWKFN
- Денисов И. Е., Адамова Д. Л.* Формулы внешней политики Си Цзиньпина: основные особенности и проблемы интерпретации // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2017. Т. 22, № 22. С. 76–90. <https://doi.org/10.24411/9785-0324-2017-00006>; EDN: ZNLLXV
- Комиссина И. Н.* Арктический вектор внешней политики Китая // Проблемы национальной стратегии. 2015. № 1. С. 54–73. EDN: TSKFUH
- Ларин В. Л., Песцов С. К.* Становление Китая как великой морской державы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13, № 3. С. 27–46. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-3-2>; EDN: UVJNKJ
- Лексютина Я. В.* Китай как ответственная великая держава // Международные процессы. 2018. Т. 16, № 2. С. 60–72. <https://doi.org/10.17994/IT.2018.16.2.53.4>; EDN: VQUPBG
- Лэй Ш.* Позиционирование Китая в Арктике: эволюция концепций и механизмы продвижения // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. Т. 24, № 4. С. 99–110. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-4/99-110>; EDN: KGZNNO
- Петровский В. Е., Филиппова Л. В.* Россия и Китай в Арктике. Москва : Весь мир, 2022. EDN: RNWAZL

- Петровский В. Е., Филиппова Л. В.* Стратегия Китая по освоению Арктики и перспективы российско-китайского сотрудничества в регионе // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2018. Т. 23, № 23. С. 171–182. <https://doi.org/10.24411/2618-6888-2018-10013>; EDN: PLLETU
- Сазонов С. Л.* Морской транспорт Китая и новые контуры мировых транзитных перевозок в условиях пандемии // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2021. Т. 26, № 26. С. 371–386. <https://doi.org/10.24412/2618-6888-2021-26-371-386>; EDN: KVZFCK
- Семёнов А. В., Цвык А. В.* Концепция «общего будущего человечества» во внешнеполитической стратегии Китая // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63, № 8. С. 72–81. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-8-72-81>; EDN: JUYIVV
- Скрипкарь М. В.* Формирование концепции «китайская мечта»: от Сунь Ятсена до Си Цзиньпина // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 8–2. С. 394–397. EDN: UGYDIN
- Сюй Г.* Интересы и политика Китая в Арктике: история, правовые основы и реализация // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60, № 2. С. 52–62. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-2-52-62>; EDN: VVТОКJ
- Филиппова Л. В.* Научный потенциал Китая в Арктике // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2019. Т. 24, № 24. С. 279–295. <https://doi.org/10.24411/2618-6888-2019-10016>; EDN: UOFMKK
- Цуй Л.* Исследование Арктики китайскими учеными (исторический аспект) // Россия в глобальном мире. 2024. Т. 27, № 1. С. 140–153. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.27.1.9>; EDN: YBHGGP
- Brady A.-M.* China as a Polar Great Power. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. <https://doi.org/10.1017/9781316832004>
- Gong Keyu.* A Shifting Northeast Asian Security Landscape and China — ROK — Japan Arctic Cooperation // The Journal of East Asian Affairs. 2020. Vol. 33, no. 2. P. 59–81.
- Mearsheimer J. J.* The Tragedy of Great Power Politics. New York: W. W. Norton & Company, 2001.
- Nong Hong.* China's Role in the Arctic: Observing and Being Observed. New York, NY: Routledge, 2020. <https://doi.org/10.4324/9780429328138>
- Steinveg B.* The Role of Conferences Within Arctic Governance // Polar Geography. 2021. Vol. 44, iss. 1. P. 37–54. <https://doi.org/10.1080/1088937X.2020.1798540>
- Steinveg B., Rottem S. V., Andreeva S.* Soft Institutions in Arctic Governance — Who Does What? // Polar Record. 2023. Vol. 60, no. e1. P. 1–7. <https://doi.org/10.1017/S0032247423000335>

Сведения об авторе:

Рекец Марина Олеговна — кандидат политических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений; проректор по международной деятельности, Российский университет дружбы народов; eLibrary SPIN-код: 2232-0497; ORCID: 0009-0001-2387-6481; e-mail: rekets-mo@rudn.ru